

Народному артисту СССР, лауреату Ленинской премии
И. А. МОИСЕВУ — 70 лет

МОЕ ЛЮБИМОЕ ИСКУССТВО

Игорь Александрович, расскажите, пожалуйста, как начинался Ваш путь в искусстве!

— В 12 лет поступил в частную студию танца Мосоловой. Сделал это по совету отца, который говорил: «Если и не станешь профессионалом, то научишься двигаться, а это полезно». Через год Мосолова сама привела меня в балетную школу Большого театра на конкурс. Из всех участников приняли двоих: я был в этом числе.

В восемнадцать лет я окончил хореографическое училище и стал танцевать на сцене Большого театра. Здесь, можно сказать, прошел все этапы до солиста, позже стал балетмейстером. Мне посчастливилось выступать с прославленными балеринами, а моим учителем был выдающийся балетмейстер Александр Алексеевич Горский.

У Вас завидно складывалась биография... В 24 года — балетмейстер Большого театра. Что же побудило серьезно заняться фольклором!

— Шли тридцатые годы, это было время, когда повсюду возникали коллективы художественной самодеятельности. Открылся театр народного творчества... О народной хореографии много спорили. Говорили, что надо возродить народный танец, развернуть во всю ширь его богатейшие содержательные и выразительные возможности...

К этому времени у меня накопился определенный материал...

От отца передалась мне любовь ходить по земле. Еще в годы учения, да и после, почти каждое лето отправлялся в путешествия по стране. Побывал на Украине, в Белоруссии, Таджикистане, Поволжье, на Урале, Кавказе, в Крыму, верхом на ишаке извездил Памир.

Узнал обычаи, нравы, песни, танцы разных национальностей. Но особенно волновали встречи с народными танцорами и певцами. От них я записывал мелодии песен, плясок... Все это откладывалось в сознании и требовало выхода...

И вот на проходившем в Москве фестивале народного танца СССР в 1936 году окончательно укрепились мое решение заняться народным танцем, возникла идея организовать профессиональный ансамбль народного танца.

Так появился наш ансамбль. Дата его рождения — 10 февраля 1937 года. Коллектив был небольшой — всего сорок пять человек. Не было тогда у нас своего постоянного помещения, не хватало и мастерства. Да и деятельность ансамбля оценивали по-разному. Считали, например, что мы должны отыскивать бытующие в народе танцы и пропагандировать их. Видели в фольклоре его только этнографическую ценность.

Я же утверждал, что нужно не только хранить созданное народом, но и создавать свое, новое. Там, где танцевальный фольклор угасал, необходимо искать полузабытые детали, по которым можно восстановить целое. Жизнь ведь не стоит на месте...

Значит, если я правильно поняла, в «чистом виде», каким бытует в народе, народный танец не попадает на сцену!

— Танец очень долго складывается в совершенную форму. Иногда столетиями. Тогда нам остается его лишь отредактировать. Но такое бывает редко.

В основном же художнику приходится «доделявать» танец. Это как раз то, чему учил нас Пушкин: ведь именно под его пером сказки Арины Родионовны стали жемчужинами профессиональной поэзии. Ту же мысль высказывал и Глинка: «Создает музыку народ, а мы, художники, ее аранжируем».

Пушкин и Глинка не просто заимствовали услышанное, они постигали дух народной поэзии и свободной, творчески его выражали. То же самое происходит и с танцем. Раскрывая характер народа, танец должен быть связан с тем местом, где родился, бытовал... И, под-

черкивая именно эту его сущность, мы отбрасываем все второстепенное. Возможно такое только тогда, когда изучишь множество вариантов той или иной пляски и уловишь главное, что составляет ее эстетическую и эстетическую суть.

Бывает и так, что сценическое произведение совсем не повторяет оригинал. Оно самостоятельное. Но национальное начало в нем непременно остается.

А как народ относится к подобному «совторству»!

— Перед войной в Бурятии слова «танец» в языке не было. Свои настроения, переживания, свой быт они передавали в играх. Изучив ёхор (игру), мы создали 18 танцев. Их танцуют и сейчас, считая своими.

Есть ли произведения других видов искусства, которые бы Вам подсказали темы для создания танца!

— В Белоруссии есть народная песня «Бульба». Сложилась она давно, когда картофель там был основным продуктом сельского хозяйства. Мне понравились слова, они очень выразительно рассказывали о быте народа. Отталкиваясь от этого текста, я сделал танец «Бульбу».

Теперь это народный белорусский танец. И когда мы спрашивали у тех, кто его танцует, откуда он пришел к ним, никто не мог припомнить. Вот вам и еще пример, когда танец, созданный художником, народ считает своим. Для меня это — высшая похвала.

Молдавские скрипичные напевы (скрипка в Молдавии была народным инструментом) подсказали мне тему для танца «Чиокерлие» (жаворонок). Его в Молдавии танцуют и поныне.

Для каждого танца характерны свои музыкальные ин-

струменты... Работаете ли Вы с традиционными или используете современные!

— Когда ансамбль начинал свою работу, то оркестр состоял из народных инструментов: домбр, балалаек, баянов, был квартет деревянных духовых (флейта, гобой, кларнет, фagот) и ударные. Для сопровождения танцев народов Кавказа и Средней Азии существовал квартет в составе таких инструментов, как тар, кямачи, дудуки, бубен.

По мере роста репертуара ощущалась необходимость в новых звуковых красках, ведь нужно было передать особенности танцев разных народностей... В оркестре появились скрипки, виолончели и другие инструменты. Оркестр переименовали в симфонический с добавлением к нему группы русских и восточных инструментов.

Вызвано это тем, что ансамбль вырос, превратился в большой коллектив. Только танцоров сейчас 116 человек. В нашем репертуаре около 300 танцев. Если, например, отказаться от симфонического оркестра, то пришлось бы держать оркестр где-то из 300 человек.

Игорь Александрович, расскажите о зарубежных гастроях ансамбля... Ведь ни одно явление искусства не вызвало столь восторженной оценки в печати, какая выпала на долю Вашего коллектива.

— Нас видели зрители более 50 государств. Не раз посещали мы братские социалистические страны.

Большим успехом ансамбль пользовался в Соединенных Штатах Америки. Впервые мы там выступили в 1958 году, за последующие годы побывали еще шесть раз. И всегда нас

встречали необычайно тепло.

На разных языках мы слышали слова благодарности, а журналисты буквально забрасывали нас комплиментами.

Но был и такой случай: в 1962 году на гастроях в Аргентине на первом же концерте в зал бросили несколько слезоточивых бомб.

Оркестр наполовину состоял из аргентинцев. Бросив инструменты, они покинули сцену. Началась паника. Артисты же, несмотря на страшную боль в глазах, обливаясь слезами, продолжали танцевать, а наши музыканты с закрытыми глазами играли по памяти... Открыли окна... Зрители, видя, что выступление продолжается, заняли свои прежние места. А после концерта долго гремели овации.

Но лучше вспоминать иное. Так, пребывание ансамбля в той или иной стране порой давало совершенно неожиданные результаты. Например, канадский ансамбль танца свое рождение связывает с нами: «Благодарим Вас за то, что мы существуем!...». Большинство ансамблей социалистических стран прямо или косвенно возникли по нашему примеру, а иногда и с нашей помощью.

Поездки эти расширили представление о мире, о людях... Собирая танцы, мы познакомилась с новыми образцами фольклора. Для коллектива стало традицией обязательно разучить и исполнить хотя бы один танец хозяев. Можно сказать, что мы по всей земле собираем народные танцы и стараемся сделать их художественным достоянием всех.

Но главная наша миссия — пропаганда советского танцевального искусства!

Беседу вела
Г. САДОВСКАЯ.